

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174

«КИТАЙСКИЕ» СТИХОТВОРЕНИЯ Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ – ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ

Сорокина Г.А.

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.
123001, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. В русской литературе Восток увлекал многих прозаиков и поэтов. Он вошёл в творчество Л. Толстого, С. Надсона, К. Бальмонта, И. Анненского, И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Волошина, В. Хлебникова, Н. Гумилёва и других. К ним относится и Е.И. Васильева, известная под псевдонимом Черубина де Габриак. Статья посвящена анализу её поэтического сборника «Домик под грушёвым деревом». Автор данной статьи отмечает, что стихотворения Васильевой, написанные в форме стилизации китайской поэзии в 1927 году, теснейшим образом связаны с именами М. Волошина, Н. Гумилёва, синоведа Ю. Щуцкого и других представителей Серебряного века.

Ключевые слова: Васильева, Черубина де Габриак, стихотворения, китайская стилизация, литературные влияния.

“CHINESE” POEMS BY E. VASILYEVA – LITERARY CONNECTIONS AND IMPACTS

G. Sorokina

*Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation, 123001*

Abstract. In the Russian literature, the East inspired many prose-writers and poets. It is present in the works of L. Tolstoy, S. Nadson, K. Balmont, I. Annensky, I. Bunin, Z. Gippius, D. Merezhkovsky, M. Voloshin, V. Khlebnikov, N. Gumilev and others. E. Vasilyeva who goes under the pen-name Cherubina de Gabriak, belongs to this circle too. The article is devoted to the analysis of her collected poems “Little house under the pear tree”. The author of the article emphasizes that the poems by Vasilyeva are written in the stylization of the Chinese poetry of 1927 and are closely connected with the works of M. Voloshin, N. Gumilev, sinologist Y. Shustsky and other representatives of the Silver Age.

Keywords: Vasilyeva, Cherubina de Gabriak, poems, Chinese stylization, literary impacts.

Двадцатый век в русском и западном обществах характеризовался постоянно возрастающим интересом к восточным культурам. Этот интерес затронул различные стороны общественной жизни, в том числе и область литературно-художественного творчества. С начала века многие представители творческой интеллигенции включали в сферу своих размышлений и творческих поисков

идеи Востока, категории восточных культур как мировоззренческие универсалии. Этот материал стал основой для их художественного творчества: он отражался в литературе, живописи, фотографии, кинематографе, популяризовался и всё более становился достоянием широких слоёв общества.

Ещё в XIX веке в условиях изменившегося мира русское и западное общества достигли определённого понимания единства огромного мира, единства человечества. В поисках основ этого единства, в поисках решения онтологических и антропологических проблем представители культуры, философии, искусства литературы обращались на Восток.

Увлечение Востоком, буддизмом, часто воспринимаемое как *lux ex oriente* (свет с Востока), пронизывало культуру России конца XIX – начала XX века. «Ориентализм» в России начала века не был однороден; под его знаменем не создавались школы и направления, не сочинялись программы и манифесты. Его настроения проникали сквозь групповые препоны; минуя внутренние разногласия, они соединяли художников, словно невидимой скрепой...» [6, с. 175].

Отметим, что ориентализм как явление культуры, возникший под влиянием многогранных и сложных общественных процессов и явлений, в том числе событий государственной жизни, внешнеполитических устремлений России на Восток, стал неотъемлемой частью жизни великосветского общества и творческой интеллигенции, прежде всего Санкт-Петербурга и Москвы.

Некоторые деятели культуры воспринимали ориентализм через антро-

пософию. Антропософами были многие русские философы, литераторы, художники, представители светского общества. Антропософские идеи оказывали влияние на различные стороны интеллектуальной, художественной и духовной жизни образованной части российского общества.

В русской литературе Восток увлекал многих прозаиков и поэтов. Он вошёл в творчество Л. Толстого, С. Надсона, К. Бальмонта, И. Анненского, И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Волошина, В. Хлебникова, Н. Гумилёва и других. Таким образом, ещё в конце XIX – начале XX века в России возникло целое литературное направление, испытывавшее воздействие восточных идей. Воздух литературы XX столетия был наполнен «ароматами Востока». В связи с этим важной для нас является мысль, высказанная российским учёным С.С. Аверинцевым, что «для самосознания и самочувствия литературы не может быть безразличной психологическая атмосфера, которая возникает вокруг атрибутов древней игры – вокруг начертаний иероглифов или букв... Эта психологическая атмосфера – воздух литературы» [1, с. 192].

Литература, откликнувшись на интерес к Востоку со стороны общества, приступила к художественному исследованию различных аспектов восточных культур, в результате чего происходило вхождение новых смыслов, идей, терминов, понятий, образов в русскую и западную культуры и формирование общего восточного текста.

Размышляя о блестящей литературе Серебряного века, в которой ориентальные темы и образы, экзотика Востока занимают большое место, нельзя

не вспомнить такие имена, как И. Бунин, М. Волошин, Н. Гумилёв, М. Цветаева, Андрей Белый.

Имя поэтессы Елизаветы Ивановны Васильевой (урождённой Дмитриевой, 1887–1928) сегодня почти неизвестно. Однако с её именем связаны две литературные мистификации – два литературных псевдонима.

Она вошла в русскую литературу в 1909 году под загадочным именем Черубина де Габриак. Впоследствии Марина Цветаева в книге «Живое о живом» назвала несколько месяцев этого года «эпохой Черубины де Габриак». Автором и режиссёром этой мистификации был Максимилиан Волошин, оказавший огромное влияние на её творческую судьбу.

Среди стихов Черубины, опубликованных в журнале «Аполлон», есть венки сонетов «Золотая ветвь» с посвящением Волошину: «Моему учителю». Позднее, уже в 1921 году, она писала одному из корреспондентов о роли Волошина в своей жизни: «он мой близкий друг и даже учитель» [9, с. 162]. Столь высокое признание значения личности Волошина в жизни поэтессы предполагает, прежде всего, восприятие и понимание внутреннего мира Волошина и его духовной устремлённости, в том числе и к идеям Востока. Во многом благодаря ему идеи антропософии, идеи Востока навсегда вошли в жизнь поэтессы. Личность того, кого она называла своим учителем, сопровождала её всю жизнь. Фигура Волошина в контексте культуры своего времени замечательна среди прочего и тем, что он был выдающимся посредником, посредником между людьми, идеями и культурами.

В 1911 году Дмитриева вышла замуж за инженера Вс.В. Васильева и с

этого времени публиковала стихи уже под фамилией супруга. Будучи членом Антропософского общества, она совершала поездки в Германию, Швейцарию, Финляндию, встречалась с Рудольфом Штейнером, печаталась в антропософских журналах. По своему мировоззрению и культуре Васильева была человеком Серебряного века, поэтому в её стихах, кроме любовной лирики, большое место занимали религиозно-мистические мотивы. Многие стихи этого периода ещё предстоит вернуть читателям – они разбросаны по разным журналам, хранятся в различных архивах. Из одного из таких архивов до нас дошёл всего один сборник её стихотворений, подписанный ещё одним псевдонимом. Этот сборник «Домик под грушёвым деревом» написан в форме стилизации китайской поэзии. Он прозвучал как отголосок поэзии Серебряного века. История создания сборника интересна и, вместе с тем, драматична, поскольку это были последние стихи поэтессы. Вдохновителем этих стихов был Юлиан Константинович Шуцкий (1897–1946), который сыграл большую роль в жизни Елизаветы Ивановны.

Известный синолог, переводчик китайской поэзии, он окончил Петроградский университет, где специализировался на кафедре китаеведения. Научные интересы Шуцкого были связаны со средневековой китайской философией. Он перевёл на русский язык ряд сочинений китайских философов. В 1923 году в переводе Шуцкого вышла «Антология китайской лирики VII–IX веков». Перевод был сделан совместно с известным востоковедом В.М. Алексеевым и оценивался как новаторский, осуществлённый блестящими знатока-

ми Китая. Эта книга и сегодня воспринимается как новая ступень в освоении поэтического Китая европейцами [4, с. 200, 201; 7, с. 295].

Важнейший труд Шуцкого «Китайская классическая “Книга перемен”» (перевод и научное исследование) стал темой его докторской диссертации, защита которой состоялась в 1937 году. В том же году Шуцкий был репрессирован и впоследствии расстрелян. В лице этого учёного отечественное востоковедение понесло невосполнимую утрату.

Профессиональные занятия духовной культурой, мистическими учениями Востока привели Шуцкого к антропософии. Учёный оставил записи о том, какое значение имела антропософия для его самопознания, совершенствования своего внутреннего Я, развития интуиции, которая помогала ему, по его собственному признанию, в профессиональной деятельности. Духовным водителем на этом пути для него стала Васильева [4, с. 201].

Знакомство Васильевой и Шуцкого, перешедшее в близкие отношения, произошло в 1922 году. В 1926 году в СССР начались репрессии в отношении антропософов, и в 1927 Васильева была выслана в Ташкент. Там её навещил Шуцкий, следуя в Японию в научную командировку. Из письма Васильевой Волошину 1928 года мы узнаем, что в Японии Шуцкий жил в буддийском храме, изучал философию [4, с. 203]. Это была их последняя встреча: в декабре 1928 года Васильева умерла. Позднее в своих записках Шуцкий написал о той огромной роли, которую сыграла Елизавета Ивановна в его жизни: «Не смотря на то, что прошли уже годы с её смерти, она продолжает быть центром

моего сознания как морально-творческий идеал человека» [4, с. 203].

Именно в Ташкенте был задуман и создан этот «китайский» сборник стихов. В письме к Е.Я. Архиппову, библиографу и педагогу, Васильева рассказала литературную историю сборника «Домик под грушёвым деревом»: «Грушёвое дерево существует, оно вросло в террасу флигелька, где я живу. Это дало повод Ю[лиану] называть меня по китайскому обычаю Ли-сян-цзы – философ из домика под груш[ёвым] деревом – и предложить мне, как делали все кит[айские] поэты в изгнании, написать сборник «Домик под грушёвым деревом» поэта Ли-сян-цзы. Так и сделано. С его помощью написано предисловие в духе кит[айских] поэтов и даны заглавия каждому из 7-стиший.

Внутри они, конечно, вовсе не китайские, кроме 3–4 образов. Всё это чистейшая chinoiserie» [9, с. 161-162].

Псевдоним Ли-сян-цзы для Васильевой и Шуцкого стал частью их общей литературной игры, своеобразным творческим методом погружения в иную реальность.

Приведём несколько стихотворений из этого сборника.

Домик под грушей

Домик под грушей...

Домик в чужой стороне.

Даже в глубоком сне

Сердце своё послушай:

Там – обо мне!

Звёздами затканый вечер –

Время невидимой встречи.

Река

Здесь в реке – зелёная вода,

Как плотная, ленивая слюда

*Оттенка пыли и полыни...
Ах, лишь на севере вода бывает си-
ней...*

*А здесь – Восток.
Меж нами, как река, пустыня,
А слёзы, как песок.*

В этих стихах звучит мотив изгнанничества, одиночества в чужом далёком краю, мотив разлуки с другом (так же как в стихотворениях «Ивы», «Журавль», «Небо», «Разлука с другом»). Наградой поэту служит только связь с бесконечным космосом. В ряде стихотворений Васильева использовала традиционные китайские поэтические образы сосны, веера, луны, павлиньих перьев, летящих гусей. Интересно стихотворение «Бабочка», по своему смыслу отсылающее читателя к известной притче о Лао-цзы, которому приснилось, что он – бабочка.

Бабочка

*И сон один припомнился мне вдруг:
Я бабочкой летала над цветами.
Я помню ясно: был зелёный луг,
И чашечки цвезов горели словно пламя.
Смотрю теперь на мир открыты-
ми глазами,
Но, может быть, сама я стала сном
Для бабочки, летящей над цветком.*

Васильева включила в сборник 21 стихотворение (каждое из 7 строк). Таким образом, в своём поэтическом творчестве она создала ещё один литературный образ – Ли-сян-цзы.

В 1928 году Васильева переписала все стихи сборника в тетрадь и передала её Архиппову, который сохранил как эту тетрадь, так и её письма. После его смерти все материалы были переданы в архив. Первая полная пуб-

ликация «Домика» состоялась только в 1988 году [2]. Однако ранее, в 1970 году, писатель и библиофил В. Лидин в статье, посвящённой Васильевой, привёл три стихотворения из этого сборника [5, с. 46]. Её поэтический сборник уже вошёл в сферу современных научных исследований. Одной из работ, посвящённых анализу «китайской» образности стихотворений «Домика», является статья Ю.А. Сорокина «Елис. Васильева (Черубина де Габриак) и её «Домик под грушёвым деревом» [8]. Автор всесторонне рассматривает, как традиционные символы и образы китайской поэзии преломились в стихах Васильевой – Ли-сян-цзы. Однако вызывают определённые сомнения методы исследования поэтического текста Васильевой и, прежде всего, тот ригоризм в оценке тех или иных образов её стихотворений, которые, по мнению исследователя, не соответствуют духу реальной китайской поэзии. Сборник «Домик под грушёвым деревом» не следует оценивать по таким критериям, ведь это – поэтическая игра, попытка выразить своё представление об интонации, образах, философии «чужой» китайской поэзии.

В цикле стилизованных китайских стихотворений Васильевой также чувствуется несомненное влияние «китайской» поэзии Гумилёва. И это вполне объяснимо. Васильева, Цветаева, Волошин, Гумилёв принадлежали к одному, довольно тесному кругу деятелей Серебряного века. Васильеву и Гумилёва в определённый период их жизни связывали особые и эмоционально непростые отношения, отразившиеся как в творчестве Гумилёва, так и Дмитриевой-Васильевой: именно из-за Черубины де Габриак между

Гумилёвым и Волошиным в 1909 году состоялась дуэль.

В 1906–1907 годах Гумилёв жил в Париже, учился в Сорбонне. В 1907 году произошло знакомство Гумилёва с Дмитриевой, которая также в это время училась в Сорбонне. Общая волна ориентализма в культуре, как на Западе, так и в России, на рубеже XIX–XX веков захватила Гумилёва. Источников восточного вдохновения у Гумилёва было много. Прежде всего, это настроения века, связанные с религиозно-философскими идеями Востока, теософия, антропософия. Важным источником знаний о Востоке были лекции предметов материальной культуры и искусства, сосредоточенные в музеях России и Европы, с которыми знакомился поэт.

В 1909 году поэт написал стихотворение «Путешествие в Китай». В 1911 году появилось стихотворение «Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец...» Строки этого стихотворения впоследствии стали популярным романсом «Китайская акварель», исполнявшимся А. Вертинским. В 1912 году было опубликовано стихотворение «Возвращение» с его загадочной китайской темой и образом Будды, представленным как личное эмоциональное впечатление поэта.

В Париже был написан и стихотворный сборник «Фарфоровый павильон», состоящий из двух частей – «Китай» и «Индокитай» (опубликован в 1918 году в издательстве «Гиперборей»).

К 1918 году относится и незавершённая китайская поэма Гумилёва «Два сна». В своих стихах, обращённых к Востоку, он создал поэтическую знаково-образную систему, основанную

на традиционных темах и образах Востока, свой собственный мир условной восточной реальности, той реальности, которая оказала большое влияние на русскую литературу и культуру в целом, в том числе на литературу русского зарубежья.

«Китайские» стихи Гумилёва в отличие от многих других его поэтических произведений, написанных под впечатлением путешествий по экзотическим странам, носят скорее умозрительный, опосредованный, литературный характер, поскольку Гумилёв никогда не был на Дальнем Востоке и не посещал Китая. Но это вполне соответствует русской литературной традиции: о Востоке писали М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, А.А. Фет, Д.П. Ознобишин, С.Я. Надсон, В.С. Соловьёв, А.К. Толстой и другие. Поэты, устремлявшиеся на Восток только в своём творчестве, пытались таким образом постичь идеи и образы этого далёкого мира.

В 1909 году поэт написал стихотворение «Царица», в котором ярко и неожиданно возникают образы Тибета и Гоби.

*Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.*

*Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите...*

Считается, что это стихотворение, как и ряд других, Гумилёв посвятил Черубине.

Гумилёв выработал свой собственный язык, отражающий его поэтиче-

скую и духовную устремленность к Востоку. В стихах Гумилёва предстаёт «южная изумительная Азия-Китай, Индо-Китай, Персия. <...> Китай богдыханов, ибо автор неисправимый аристократ, но его экзотическая романтика звучит и не забывается и напряжённо зовёт к недостигнутой цели» [3, с. 484]. Гумилёв – поэт-ориенталист, создавший собственный язык ориентальной поэзии в русской литературе, свой тезаурус восточных образов.

В 1921 году Васильева написала стихотворение «Памяти Анатолия Гранта», посвящённое погибшему поэту, используя в названии один из псевдонимов Гумилёва. В этих трагических стихах звучит признание великой посмертной славы поэта:

<...>

*И откроются очи для света.
В небесах он совсем голубой.
И звезда твоя – имя поэта
Неотступно и верно с тобой.*

Ещё через четыре года поэтесса написала стихотворение, наполненное глубокими интимными воспоминаниями, где прослеживаются и реминисценции их парижских встреч:

*Помнишь, сквозь снег над порталом
Готической розы цветок?
Как я тебя обижала!
Как ты поверить мог!*

Обращение к сборнику «Домик под грушёвым деревом» даёт возмож-

ность очередной раз обратить внимание на огромную концентрацию творческой энергии, связанной с интересом многих представителей культуры Серебряного века к Востоку и выявить некоторые новые аспекты литературных связей, влияний и перекличек. Подобно Гумилёву, Васильева предприняла попытку передать свои собственные представления, эмоциональные впечатления и выразить собственным поэтическим языком образы китайской поэзии, полученные ею из вторичных источников. «Домик под грушёвым деревом» – стихотворения, принадлежащие незаурядному, тонко чувствующему человеку, автору, многочисленными нитями связанному с литературой Серебряного века. Перед нами произведение, достойное того, чтобы найти своих читателей и остаться в памяти русской культуры.

Тенденция к универсалистскому осмыслению мира, что предполагает в том числе и включение идей Востока, – это характерная черта всей культуры XX и начала XXI века. Идеи Востока определили и литературные реалии многих произведений. Большое значение имеет контекстуальность взгляда на те или иные стороны восточных культур в различных литературных произведениях. В данном контексте нас интересовали некоторые символические смыслы, связанные с Востоком и преломлённые в творчестве М. Волошина, Н. Гумилёва, Е. Васильевой, Ю. Щуцкого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. 343 с.
2. Васильева Елис. «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь» // Новый мир. 1988, №12. С. 168-170.

3. Гумилёв Н.С. «Огненный столп» // Н.С. Гумилёв: pro et contra. СПб., 2000. С. 484-485.
4. Грякалова Н.Ю. Стихотворения Е.И. Васильевой, посвящённые Ю.К. Шуцкому // Русская литература. 1988. № 4. С. 200-205.
5. Лидин В. Друзья мои – книги. Домик под грушевым деревом // В мире книг. 1970. № 9. С. 45-46.
6. Смирнов И.С. «Всё видеть, всё понять...» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985. Вып. 2. С. 170-188.
7. Смирнов И.С. Стафф, Туссен и ... Гумилёв // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 295-299.
8. Сорокин Ю.А. Елис. Васильева (Черубина де Габриак) и её «Домик под грушевым деревом» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 65-69.
9. Суворова К.Н. На чердаке старого московского дома // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 150-163.

REFERENCES:

1. Averintsev S.S. Poetika rannevizantiiskoi literatury [Poetics of early Byzantine literature]. М., 1997. 343 p.
2. Vasil'eva Elis. «Dve veshchi v mire dlya menya vseгда byli samymi svyatymi: stikhi i lyubov'» [Vasiliev Elis. «Two things in the world for me have always been the most sacred: poems and love»] // Novyi mir. 1988. no. 12. pp. 168–170.
3. Gumilev N.S. «Ognennyi stolp» [«Pillar of fire»] // N.S. Gumilev: pro et contra [N.S. Gumilyov: pro et contra]. SPb., 2000. pp. 484–485
4. Gryakalova N.YU. Stikhotvoreniya E.I. Vasil'evoi, posvyashchennye YU.K. Shutskomu [Poems of E. Vasilyeva on Y. Shutsky] // Russkaya literatura. 1988. no. 4. pp. 200–205.
5. Lidin V. Druz'ya moi – knigi. Domik pod grushevym derevom [My friends are books. Little house under the pear tree] // V mire knig. 1970. no. 9. pp. 45–46.
6. Smirnov I.S. «Vse videt', vse ponyat'...» (Zapad i Vostok Maksimiliana Voloshina) [«To see everything, to understand everything...» (the West and the East of Maximilian Voloshin)] // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. M. 1985. no. 2. pp. 170–188.
7. Smirnov I.S. Staff, Tussen i ... Gumilev [Staff, Toussaint and ... Gumilyov] // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. M. 1989. no. 4. pp. 295–299.
8. Sorokin YU.A. Elis. Vasil'eva (CHerubina de Gabriak) i ee «Domik pod grushevym derevom» [Elis. Vasilyeva (Cherubina de Gabriak) and her «Little house under the pear tree»] // Vestnik VGU. Seriya: «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 2004. no. 2. pp. 65–69.
9. Suvorova K.N. Na cherdake starogo moskovskogo doma [In the attic of the old Moscow house] // Vstrechi s proshlym. Iss. 6. M., 1988. pp. 150–163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Галина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина.

e-mail: inyazmgua@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina Sorokina – candidate of Philological Sciences, associate professor at the departments of Foreign Languages of Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: inyazmgua@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сорокина Г.А. «Китайские» стихотворения Е.И. Васильевой – литературные связи и влияния // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 166-174.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Sorokina. “Chinese” poems by E. Vasilyeva – literary connections and impacts // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 166-174.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174